

Наталья
"TalisToria"
Белоненко

ПРИВЕТ
ОТ АНГЕЛА

Наталья «TalisToria» Белоненко

Привет от ангела

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68688834

SelfPub; 2022

Аннотация

Что остается после человека, которого уже нет? Память. И дети. Фото и видео, аудио записи. Письма. И иногда секреты. Которые он продолжает загадывать, даже через годы. Переосмысления ныне живущим – что виделось когда-то иначе. Эмоции, которые он оставил другим, и проживал сам. Запечатленные на носителях, и витающие вихрями. Что из всего этого имеет главную ценность? И можно ли сравнивать? Альтернативная интерпретация истории Ромео и Джульетты. Печальная и светлая история о совсем молодом человеке, которые продолжается в жизнях других, даже когда его собственная увы, закончилась.

Наталья Белоненко

Привет от ангела

1. Полный вперед

Май 2018

Выкладывая на кухонную столешницу сияющие своими сочными цветами овощи, Лори ловким движением сняла крышку с блендера, и оглянулась на задорный смех. Во дворе на пышном газоне игралась маленькая черноокая девочка.

Доченька.

Джули.

Она уже почти перестала тормошить себя мыслями об этом: как причудливо Джули пришла в её жизнь. Да и в свою собственную тоже. Перестала сравнивать и искать отголоски прошлого. Многое потихоньку перекрывается слоями настоящего. И будущего!

Она обернулась и пошла строго вперед. Как ей и завещали.

Многие дети живут и становятся полноценными людьми и без отцов. Да, даже никогда их так и не встретив. Без шансов на встречу. Даже её родители никогда не узнают, чей это ребенок. И никто больше.

Что она может сказать им всем? Что родила от ангела? Да ещё и добавить, что непорочным зачатием? Ххах, да её просто сдадут в психушку! Потому что она не шутит, беззаветно

верит в это, но большего ничего пояснить не собирается.

Главное – Джули здорова.

2. Нежданно негаданно

Июнь 2018

Лори давно переехала в тихий пригород подальше от шумных столиц, сулящих большой успех за отказ от права на приватность. Но в этот день они с 3-летней дочерью приехали на национальный праздник. Они не пошли в переполненные туристами парки, а просто прогуливались по главному городу. Лори рассказывала своей Джули всё, что они видели, и вслушивалась в её сладкий лепет, стараясь приглушать беседу когда ребенок набивал щёки ароматной плюшкой.

Она уже перестала всё время ассоциировать её. Всё-же время многое сглаживает. Там – позади 7, а со счастливых времен – почти 10 лет, а этот момент – настоящий. Самый настоящий!

Она просто прогуливалась по центральной улице, никуда не спеша, и подставляя лицо солнышку. С наслаждением переставляя шаги по брусчатке: цок-цок-цок! В руке она бережно держала маленькую ручонку, которая тянула её к фонтану.

И тут... она увидела выходящую из дверей магазина Сюзанн... Ошибки быть не могло, и у Лори случилась буквально детская паника. Когда инстинктивно кидаешься прятаться не то за людей, не то за столб, не то под стол.

Ведь он не виделись столько лет. И не должны были уви-

даться. Больше никогда.

С четой Сент-Пьер Лори сначала...
просто пересекаться... не стремилась.

Ну не «сначала», а потом уже, с «нового» начала». ... Жизни каждого из них. В том самом начале 2010го им нечего было больше делить. Как и «складывать» – всё изначально как-то не сложилось.

Избегать же их она станет лишь через 4 года. И вот уже 4й...

Лори не нужно было по привычке смотреть в витрины и отражающие поверхности: она – «карамельная» шатенка, а её Джули – черноглазка с прямыми смоляными прядями. Чрезвычайно похожая на Сюзанн.

Но Лори никому не позволит её отнять!

Только вот беда если приходит, то накатывает настоящим штормом: Сюзанн заметила её! Тоже метнулась было в сторону, пускай даже беглым взглядом, не желая разыгрывать пустых формальных приветливостей,

но вежливость всё-ж победила. И Сюзанн шагнула к Лори навстречу. Сбылся её страшный кошмар...

...Потому что Сюзанн, нарядившись в пускай и слегка надменную, но всё-ж учтивость, напоролась взглядом на её дочку. И её передернуло сомнениями.

Ну нет, что наваждения – явно отмахнулась уже совсем взрослая женщина, у которой всё было благополучно и с

арифметикой, и с биологией. Сына нет в живых уже 7 лет. Девочка – слишком мала.

3. Эта девица...

Да, Сюзанн примагнитило взглядом к девочке. Где-то глубоко внутри затрепыхался тонкий колокольчик тревоги. а вдруг???

Вот так???

Эта девушка...

Когда-то они не одобрили её. Своему ещё совсем домашнему, совсем «тепличному» сыну. Да, они приглядывали за ним. Как и любая заботливая семья за единственным, бесконечно любимым, и обреченно больным ребенком. С одной стороны они как могли способствовали, чтоб он успел «пожить», испытать счастье во всей своей полноте. С другой – старались быть рядом, чтоб мятежный возраст не отнял у него время впустую. Да и репутацию – тоже.

Их семья была очень близка между собой. Но только Дени было тогда 16 лет. Тот возраст, когда ещё пока нужно... направлять.

Сын был всегда послушен и лоялен к своим наставникам, игрив и доверчив, рос в полном принятии несмотря на свалившуюся на него беду. Нет, он не был «ангелом», как его привыкли называть. Были периоды и упрямства, и фыркания, и недовольства. И попыток несогласованных с родителями независимых экспериментов. Просто тогда... то

был возраст трансформаций во взрослого человека, полный неясных инстинктивных желаний, импульсивных экспромтов. Они с мужем всячески поддерживали его во всем. Особенно в творчестве, в карьере. Готовы были ободрить и хорошую девочку...

Главное, чтоб оба они – дети – понимали, как мало у них времени, и были готовы к этому. Осознанно смиренны – в таком нежном возрасте...

Чтоб обошлось без излишних драм – их и так им хватает.

Но тут в творческом проекте – в раскрученном медийном мюзикле при театральной школе, где он учился, где решил участвовать с благословения врачей и семьи, он встретил Лори.

Его возраста, или на полгода-год старше, эта столичная девочка из требовательной семьи была не по годам высокого мнения о себе, вызывающе, чувственно—красива, с неприкрытой жадой признания своих талантов и внимания мужского пола. Избалованная, смелая, она не была вульгарной буквально, но далеко она не всегда так сдержана, как было принято в их семье – открыто выражала свои симпатии, а протестуя, могла повесить голос. Их это шокировало. Всех троих.

Даниэль, разумеется, обратил внимания на яркую эпатажную девицу – кукольную кокетку с ангельским голоском. На него подействовало притяжение её пробуждающейся женской энергии, его завораживала её непривычная в их

провинциальных «широтах» экспрессия. Но они с мужем несколько раз обратили его внимание: задумайся, подходит ли тебе эта девочка? Есть ли у тебя время на её игры в королеву? А что будет с твоей репутацией, поддайся ты на это искушение!

Да, обращать внимание пришлось несколько раз: пару раз мальчик забывался. И почти ещё подростки были запечатлены в подозрительных играх на глазах у всех...

Но сын был понятлив. Вскоре он перестал отвечать на знаки внимания этой экзальтированной девочки. Которая не то влюбилась всем своим неудержимым темпераментом, не то прицелилась на новый трофей. На красивого, запоминающегося повсеместно одобряемого заметного талантливую юношу с печальной историей.

В общем, история та была закрыта, и после завершения той постановки, где они вместе играли, они больше не общались. Сын просто не смог бы это скрыть. От них. Наверное.

Всего годом позже они с мужем всецело одобрили Катрин – прекрасную, милую, любезную, воспитанную девушку с хорошим образованием и телекарьерой на взлете, приняли её буквально как потенциальную невестку, за что сын был бесконечно признателен им.

И хоть она и чтит память о возлюбленном публично лишь первые пару лет, а сейчас – через добрые 8 – вся в своей новой семье... Никто смел думать, что они моли как-то ошибиться в ней! Просто время всё меняет.

И расставляет по местам.

И тут Сюзанн видит то, что видит. Вылитую копию своего канувшего в светлую память сына... Вылитую!

Но только слишком маленькую. Слишком.

4. Правда

– Лори! – задерживала её женщина, поглядывая на её девочку и не давая откланяться.

А девушка смотрела на её всегда безупречную укладку. За столько лет успеха многострадального сына Сюзанн привыкла быть на виду. И всегда готова была принимать внимание.

Только вот теперь внимание проявляла она сама! При чем довольно навязчивое!

– Всегда рада видеть Вас, Сюзанн. Была. – вежливо пыталась имитировать спешку девушка. На много лет его семья вычеркнула её из поминальных мероприятий. И её это в целом даже устраивало – ей нечего было делить с этими людьми! Она ощущала негласный запрет даже на упоминание его имени «всуе», и ни разу нигде не высказалась о нем, кроме дани памяти в стихах на своей страничке в соцсетях, мало кому теперь уж интересной. Да и то как о друге – она и сама не знала, на что имеет право. Где она, эта правда, у них затерялась? Какова была его правда?

Дени был трепетен, выразителен, и непонятен одновременно. Он имел поразительную трансцендентность – умел вывернуть душу своим взглядом,

и молчанием, будто накачивал воздух вокруг себя чистой концентрированной эмоцией. На сцене. Вместе с тем наряду с доверчивостью и глубиной рассуждений, в личном общении он умел вдруг замыкаться, отгораживаться невидимой стеной, стараясь спрятать свои чувства. Казалось, он пока лишь учился, как обуздать свои эмоции – сейчас с высоты своего прожитого возраста там на старых видео заметно и его смущение, и страх оценок близких, и недоверие – страх, что он раскроется и ему причинят боль, обманут.

Впрочем, кто тогда мог гарантировать ему обратного? Он не был «Святым мучеником» в той их компании, но он был... Сложно было воспринимать его как-то однозначно на фоне более старших и мужественных друзей. Он был красивым ребенком и вел себя как красивый и всеми всегда любимый ребенок! Его не всегда воспринимали всерьез, и он сам не всегда хотел этого. Он порхал и «чирикал», будто призван радовать всех вокруг, играл в безобидные игры и пугался «взрослостей». Имел понятие об ответственности, но пока не умел примерить её на себя за пределами работы, в выстраивании отношений. Он лишь вступал в жизнь вне родительской семьи, и пока ещё искал себя в общении, тогда как давно нашел себя в Искусстве. Он пока не был игроком на полях Любви, но по всем признакам мог бы им стать.

Если бы...

Сцена и реальность. И там и там он был очень ограничен, естественен, завораживающ, мечтателен, и чуть «завуалиро-

ван» свой перфекционичностью лика и манер. И там и там он был «воробушком», чистым веянием Весны, невинности и беспечности.

В него очень сложно было не влюбиться, особенно юной впечатлительной особе. От него приходилось отвлекаться, чтоб не утонуть в нем целиком. Демонстрировать ему толику пренебрежения, да и себе – тоже.

От него хотелось бежать и скрываться в любом хаосе, столь силен был его магнетизм.

Казалось, он и сам порой боялся силы впечатления, которое умел производить.

Но какова была его Истинная правда? Вне сиюминутностей?

Он называл её Лорелея – как героиню из сказки! Иногда трогал за волосы, поправляя челку, и так смотрел!!! Хотя он в принципе был склонен к нежностям с окружающими – такой, «тепличный»!

Почему она думала, что именно она нравилась ему, находя огонь в его глазах, обращенных к ней?? Ведь потом он принялся демонстративно отвергать её, будто напоказ! Она ошиблась??

Потом в туре у них были потепления, но по окончании общей работы он прекратил всякое общение с ней, не отвечал на её сообщения. Не искал встреч. И вскоре завел официальную девушку, которая была героиней-многострадалицей после его ухода. А её – Лори – просто вычеркнули из

списка скорбящих!

С его ли благословения?

Он ответил ей всего 3 раза. За 2 года, последние в его жизни. И последние 2 его сообщения были деловыми. Предпоследнее было полу-деловой констатацией его почти отказа-извинения из 2х слов, а последнее – сухим перечислением фактов и цифр. Правда, предопределившие несколько жизней.

Первое же из этих последних – было его огромным его письмом ей на электронную почту. Внезапным. Лиричным, сентиментальным признанием будто б всей правды, растапливающим все ледники. В конце его он попросался и снова отморозился, нарушив этот обед молчания всего 2 раза, и то сугубо по делу.

А может, то была минутная слабость?

А может, манипулятивный расчет?

А может, прорыв скрытой истины из-под вороха правильных решений?

То есть, где была правда, и как её интерпретировать теперь вслух, она попросту не знала. И рада бы, но сама потерялась в своих версиях.

Она давно уж поняла, что то, во что хочется верить, может кардинально отличаться от реальности. Впрочем, теперь она вольна была верить во что угодно – брать за основу и опираться в мыслях. Если только молча, про себя. Чтоб никто на её веру не покушался, ведь главный участник её версий

её теперь уж не разубедит.

А можно было просто отгородиться, выздороветь чувствами, повзрослеть и принять данность: правды теперь уж никто не узнает. Даже странно, что она остается столь важной даже когда уж не в силах повлиять ни на какое будущее.

Мечась поэтапно по всем вариантам, она все же выбрала принять неизвестность. И простить её, и за неё.

Могла ли она винить его – юношу, который жил в обреченности, отсчитывая свой обратный отсчет? Думавшего, что ему вскоре предстоит, и почему так? В пору их знакомства этого не сильно замечалось, он умел абстрагироваться и радоваться, отдаваться и делу и веселью, поддерживать затеи и куражить, и никто не воспринимал его как жертву обстоятельств, с жалостью. Да что там, никто толком даже и не понимал масштабов известного про него – он не выглядел умирающим! Но те, кто поддерживало с ним связь позже, не раз отмечали, что он осознавал отмеренный ему учеными срок, неизбежность научного «приговора», и все чаще думал и упоминал об этом.

Могла ли она винить его, осознаваемо шедшего и пришедшего к своему финалу? Вряд ли. Но понять – хотелось!!!

Что было в твоей голове, Даниэль??? – спрашивала она следующие несколько лет. Спрашивала навзрыд, будто б могла получить ответ.

А потом – устала. И оставила как есть. То есть – теперь уже – как нету.

Просто включила другие продолжения. Тем более, он оставил ей лазейку.

Но опять же, почему? Минутная слабость? Желание оставить свой след? Маниакальный эгоизм?

И что она могла сказать сейчас этой женщине? Какие у неё были для неё ответы?

Потому она и избегала Сюзанн – ответов не было никаких. Она действительно планировала хранить свою тайну вечно. И объяснять все совпадениями.

Но именно в этот момент оказалось, что она – наверное не сможет. Обмануть ТАК – в глаза.

Она уже несколько раз сказала банальное «вы ошиблись», но получилось так неправдоподобно. Она вдруг поняла, что стоит на пороге нравственного преступления.

Но если это своё преступление осознаёт она, то осознает ли моральную равноценность её оппонентка? Или ошавшая от счастья бабушка, похоронившая обожаемого сына, попросту отберет у неё ребенка? Или растрезвонит, и их начнут преследовать все, кому небезразлична история Дени??

Чем ей грозит правда?

– Как это получилось?? – вопрошала тем временем Сюзанн.

– Я вам всё расскажу, ок, как и своим родителям. Поровну. Они тоже не знаю. Я расскажу вам всем вместе, пришло время. Дома – потому что это надо показывать архивом.

Приходите с мужем завтра к моим родственникам по этому адресу. Но если вы попытаете отнять у меня дочь, я исчезну и вы нас больше никогда не увидите.

– Ты думаешь, мы способны отнять у тебя ребенка, зная утрату своего? Пожалуйста, не надо так, Лори. Прошло почти 10 лет, и нам нечего больше делить. Можно только сложить боль и память, и поделиться любовью и общими надеждами! Если ты растишь нашу внучку, это неоценимый дар, подарок, сделанный нам, пускай и в тайне! Лучшая память ему, и как можно принять это не с почтением! Даже если ты сделала это – обманом. Даже если ты его гены украдала...

– Я не украдала. – отрезала Лори. – Он сам вручил мне этот шанс. Добровольно! Я расскажу всё, и смогу доказать! И потом судите каждого из нас как хотите.

«...порицайте сколько хотите, говорите и смотрите осуждающе сколь угодно, только потом оставьте нас с дочкой в покое, ВСЕ!» – думала Лори. Она была готова к этому вечному немому укору, не привыкать. – «А ты, Даниэль, останешься ангелом все равно.» – ерничала она мысленно, иногда всё ещё сердясь на него необъяснимо, но потом, как обычно, гасила этот всплеск: «Потому что ты подарил крылья и смысл жизни тем, кто был рядом».

* * *

У Сюзанн вдруг в одну минуту перевернулся мир: вот так! Кэти, которую они так приняли, живет теперь своей жизнью, и та пора для неё давно окончена. Страница

перевернута. А непутевая Лори – посвятила жизнь Памяти Дени.

Избалованная капризная Лори.

Опальная Лори.

Отвергнутая Лори. Вот так дела.

Вечером она тронула за рукав мужа:

у меня для тебя потрясающее известие. Ты только при-
сядь. Наш сын – опять вычудил...

5. Давным давно

Обстановка в этот день в доме Фарзингер была напряже-
ная. Пару дней назад давно отделившаяся и перебравшаяся
подальше от столиц дочь, когда-то вне всяких ожиданий и
перспектив вдруг превратившаяся из шумного подростка – в
отшельницу,

зашла в гости. И спросила разрешение позвать в родитель-
ский дом своих гостей. При чем довольно неожиданных.

Перечить просьбе не стали, хоть она не могла не озада-
чить: эта семья никогда не благоволила их умнице дочери,
носясь со своим больным, а после – почти канонизирован-
ным ребенком, как со священным граалем.

Не то чтоб им не было повода искренне посочувство-
вать... Но только проживать беду молча это семейство, в от-
личие от обычных, были не согласны. Сначала под закат жиз-
ни они сделали сына знаменитостью, а потом растиражиро-
вали и себя его именем в информационном пространстве:

все до троюродных тетей и пятиюродных сестер высказались уже за столько лет о том «какой он был...». Некоторым в этом угадывалась некоторая двоякость.

Кроме того, как бы ни было сейчас модно говорить о нем постскриптумом в одухотворенных и превосходных тонах, но в ту пору, когда дочь с их мальчиком учились и работали вместе, и симпатизировали друг другу, родители коршунами защищали парня от «самозванок». В эту гильдию они и определили Лори. Образованную, перспективную, «породистую» в отличие от них самих -этих амбициозных провинциалов с непомерным самомнением. Симпатию 17летней Лори поставили ей в вину. И отгородили её от сына, а потом и от памяти о нем как недостойную.

И потом, общаясь со всем его коллективом до последней костюмерши, устраивая вечера памяти, никогда не позвали в гости и эту часть его бывшей жизни.

Вот таких они сегодня ждали гостей.

Однако Лори была настроена категорично. И довольно странно. Казалось бы, варианта тут возможно было два: либо Лори радуется примирению, долгожданному принятию в «семейство» бывшего друга и его окружение, либо обижена и не хочет в свою очередь иметь с ними ничего общего. Однако она не выглядела радостной или воодушевленной. Она выглядела

непреклонной.

Увидев движение на подъезде к дому, мама Лори – Мага-

ли – поспешила навстречу, облачившись в самую приветливую из улыбок. В конце концов, почти десяток лет прошло со времен их холодной войны, когда обе стороны решили, что их дети не подходят друг другу. Впрочем, сначала это решила одна сторона. Трепетно оберегая свое драгоценное хрупкое чадо.

Но кто прошлое помянет... Верно?

Мэг отворила Сюзанн, и вдруг воочию заметила это:

вылитая внучка! Что-то ёкнуло, но женщина поспешила отогнать от себя призраков. Флоранс не хочет говорить, кто был отцом Джулианы, но типаж внешности парней в предпочтениях дочери явно проглядывался и разил узнаванием из #тойсамой истории. В кулуарах они с дочерьми и племянницами обсуждали, что она явно нашла себе копию Даниэля. Видно, та история всё-же оставила след в её сердце. Как бы она ни старалась потом отмахиваться бравадой беспечности, как бы печально ни закончилось ничем их с этим мальчиком общение.

Словом, в памяти выстроилась цепочка объяснений-совпадений. Мэг с Сюзанн и её мужем обменялись парой елейных приветствий, гостей – поистине долгожданных – почти 10 лет – проводили и усадили их в гостиной.

Лори сдержанно поприветствовала их. И гостиница замерла в ожидании объяснений происходящего, или хотябы какого-то толчка в какую-либо сторону. Инертность очень всех напрягала. И Лори понимала, что деваться – некуда. Те-

перь уже.

– Мам, пап, все! – сестер, тетушек и бабуль она гуманно перечислять не стала, – наверное, моё приглашение этих давних знакомых – довольно неожиданно. Просто мы с Сюзанн недавно встретились на празднике. И я поняла, что настало время посвятить их... и вас – в некоторые семейные подробности. Мои. Наши.

Девушка с трудом подбирала слова, хотя вроде бы, к данному вступлению готовилась. Не один год.

– Да ладно?!?! – выплеснула свои подозрения сестра Магали – Олси. Молчание – будто зашептало: «всё-таки он!!!».

– Да, это касается Джулс. Всегда считала это – делом своим личным, но наверное, взрослою. Всё это можно было бы сказать, конечно, проще, но учитываю ситуацию, мне хочется объясниться.

Она обернулась к Сэнт-Пьерам.

– Вы можете не сомневаться, Дени не общался со мной после окончания нашего проекта. Даже в тайне. Мы не виделись с ним больше никогда. Он не отвечал на мои многочисленные сообщения, игнорировал. Он был послушным мальчиком. – сверкнула пронзительными синими глазами она. – Надеюсь, вас это успокоит. Он не ослушался вас. Посчитаете ли вы предательством остальное – решать только вам.

Гости нервно вздохнули. Они стали значительно старше с тех времен.

– Я перечислю вам лишь те 3 исключения, которым у ме-

ня нет объяснений, можете интерпретировать их как вам заблагорассудится. Итак, для вас наверняка не секрет: когда мы разъехались, я рассчитывала общаться с Дени. Моментами – без Вашего присутствия или надзора – мы были на грани романа. На грани. Мы так не перешагнули, не испытали взрослых отношений, даже если вам известно и не всё, что было между нами. – сердито сверкнула вуалями тайн она, – Словом, его последующий игнор, будто меня никогда не было рядом, стал для меня... ударом.

Она справилась с подступившими проблемами с голосом.

– Я много писала ему. Наверняка вам это известно.

«да» – поняла она по выразительному безмолвию.

– Почему он не отвечал мне, для меня было шоком и загадкой, которую я, казалось, должна была разгадать.

Да что там, у неё было ощущение, что только она может спасти принца, заточенного в его замке! И она готова была расшибать голыми руками каменные стены. И стучалась, стучаласт!

Только они – не поддавались.

–... но теперь мне уже меньше нужны эти ответы. Таков был его выбор, какой бы ни была его мотивация. Словом, потихоньку моя одержимость стихала, но проходили месяцы и я пробовала вновь. Реже и слабее, но пробовала. И однажды я получила ответы, просто не знаю, верить ли им. После стольких молчаливых его же опровержений...

Она зашла в старый ноутбук и открыла старую свою почту.

Давным давно заброшенную.

И отправила изображение на экран большого тв.

«

– Здравствуй Лори.

Ты, наверное, злишься. Просто рвешь и мечешь, я тебя знаю. Хочешь отхлестать меня по щекам?

Не волнуйся, я свое получу сполна. И я правда хочу убедить тебя от того, что предстоит мне. Меня и так будет сопровождать в этом слишком много небезразличных мне и родных людей. А тебе уготована другая участь – сиять и радоваться. Так что я исключаю тебя из этих драм.

Наше время закончилось, прости. Я не могу больше ничего тебе ни дать, ни пообещать.

Я знаю, что тебе этого мало. Ты хочешь больше. Ты всегда хочешь по-максимуму. Пусть же у тебя всё всегда так и будет.

Я не должен говорить тебе этого. Я отдал бы тебе всего себя, но у меня нет и себя самого, своего будущего. Я могу оставить тебе только наше прошлое. Делай с ним что хочешь.

Всё. Ты свободна, выпускаю тебя. На волю. Лети, не оглядывайся.

Я больше никогда не отвечу тебе. Прости. Всё знаю, поверь. И не приму звонка.

Не позволю страдать рядом. Не позволю тебе жалеть меня. Видеть ослабевшим. Слушать мои жалобы или страхи. Жить в ожидании плохого. Ты была в моей жизни для другого.

Можешь не прощать. Я знаю, что ты не забудешь.

Всё. Я буду тебя помнить. Даже если не в силах сохранить.

»

Не останавливаясь на этом тексте, изученном до точки за эти годы – до мельчайшей опечатки, которые она любила и пыталась за этим что-то угадать,

она открыла распечатку переписки со старого телефона. Ещё кнопочного.

Конечно, получив и прочитав это, она обрушилась на него лавиной смс:

в ту же минуту того же дня. Конечно, она сохранила его актуальный номер в ту пору несмотря на все обиды.

– ты издеваешься??? То молчишь, то такое несешь?

Она действительно думала, что это – начало нового витка. А в ответ – тишина...

– зачем ты это написал, не понимаю! Это не общение! Мне не нужны твои извинения!

... .. (37 минут гордости и ожидания)

– Я не прощаю! Мне действительно хочется отхлестать тебя по щекам чтоб ты почувствовал, что это – больно!!!

... .. (28 минут)

– Ты просто пошутил? Я не верю тебе!

... .. (2 часа 40 минут)

– я скучаю. Очень. Ты будто бросил меня. Как мне поверить твоим словам?

... ..

... ..

... ..

... ..

и так – несколько дней, неделю. Другую. Пока не иссякла надежда.

– Вот. – махнула на увеличенный на экране текст рукой она. – Может, вы мне скажете, что это было и зачем?

– Я не знала, – растерялась Сюзанн.

– Он показывал мне это. Точнее, я застал его тогда, не в себе, когда ты обрушилась на него лавиной ругательств. Ему приходили твои смс одна за одной, в которых ты называла его обманщиком и проклинала, он рыдал в голос, забившись в угол под вешалку своих сценических костюмов. Но держался от ответов. – повинулся Питер, его отец.

Все молча изучали порывистый текст-признание. «отдал бы тебе все, но у меня нет себя».

Она тоже вновь перечитывала это письмо. Сколько раз тогда она проделывала это, пытаясь уловить подтексты, обманы, все что за ними, за этими словами – там... у него, с ним. В нём. Что это было, зачем?

Потом она просто пересчитывала буквы в распечатке. 196 слов. Интересно, сколько у него это заняло минут?

Был момент тоски, когда она готова была заклеить свою комнату этой распечаткой как обоями, чтоб впитывать каждую букву и засыпать с ними. Она то придавала этому самое огромное значение, то обесценивала – лжец!

– Через полгода у него появилась Катрин. – напомнила она безжизненным тоном его родителям.

Её он почему-то взял с собой в свои драмы. И не только. Ей доверил всё это.

Но это был ещё не конец истории.

– Я бомбардировала его сообщениями время от времени. Думала: «а вдруг»? Он их читал. А может, не он, думала я тогда. Это было похоже на сумасшествие – разговаривать с кем-то без ответов. И однажды я в полушутку написала: вот. – промотала она.

Она открыла в длинном списке сообщений без ответов:

– Можешь думать про меня что хочешь, но я скажу. Ты написал, что готов мне отдать мне всего себя если б только мог. Не соврал? Проверим! Давай хоть часть. Которую можешь. Пойди сдай в генетический банк свой биоматериал. Я жду твой обещанный подарок.

Да, она дерзила и ии на что давно не рассчитывала.

И тут – вдруг ответ в распечатке по другую сторону листа:

– Я скорей всего бесплоден.

– Это не твоя забота! – ошалела она, – просто пойд и сделай то что я прошу!

... ..

– и не заставляй себя уговаривать, я уже устала от этого правда!

... ..

– Ты мне должен за все, что я от тебя испытала!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

– Пожалуйста...

Ответа не было и она вновь сдалась.

Ответ пришел от него внезапно парой недель спустя: там был адрес. Клиники. Название. Ячейка. Номер заказа. И её имя – получателя. Сухая информация.

– Я пришла туда через 4 с половиной года.

– Ты не испугалась!

– Я боялась. И того, что ничего не получится – не предупредила врачей. И самой процедуры, и что ребенок окажется так же больным по наследству. И самой беременности! Всего боялась всё это время! Но остановиться не могла.

* * *

Сюзанн и Лори долго смотрели друг на друга.

Теперь они стояли друг друга: у одной – непорочное зачатие от ангела,

у другой – чудит сын, которого нет уже почти 8 лет.